

ПАРАДОКСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Н.А. Боброва

Международный институт рынка, г. Самара, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

23 октября 2017 г.

Дата принятия в печать –

10 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

2 апреля 2018 г.

Анализируется применение законодательства о персональных данных, преимущественно в учебном процессе в вузах, взаимосвязь персональных данных с конфиденциальной и служебной информацией. Делается вывод о недопустимости расширительного толкования конфиденциальных персональных данных и отнесения к ним учебной нагрузки – это способствует конфликту интересов, возникновению коррупционных факторов и девальвации высшего образования.

Ключевые слова

Свобода информации, персональные данные, общедоступные персональные данные, конфиденциальные персональные данные, служебные сведения, конфликт интересов, учебная нагрузка

THE PARADOXES OF APPLICATION OF THE LEGISLATION ON PERSONAL DATA

Natalia A. Bobrova

International Market Institute, Samara, Russia

Article info

Received – 2017 October 23

Accepted – 2018 February 10

Available online – 2018 April 2

Keywords

Freedom of information, personal data, public personal data, confidential personal data, official secret, conflict of interest, teaching load

The subject. The article is devoted to the analysis of legislation on personal data and it's enforcement in the educational process in higher educational institutions.

The purpose of the article is highlight controversies in legislation on personal data, generating mistakes in enforcement during the educational procedures.

The description of methodology. The author uses methods of complex analysis, synthesis, as well as formal-logical and formal-legal methods.

The main results and scope of their application. The practice of interpreting the concepts of "personal data", "confidential personal data", "official secret", "publicly available personal data" is extremely contradictory.

Currently, there are hundreds departmental regulatory legal acts about various aspects of the protection of official secrets. Analysis of these acts shows that the rules aimed at preserving the confidentiality of official information regulate the following aspects of the functioning of state and municipal bodies, institutions and organizations: (a) ensuring access to official information; (b) providing state and municipal services; (c) document flow and record keeping; (d) staffing; (e) anti-corruption; (f) use of information systems; (g) interaction with the media; (h) prevention of conflicts of interest.

The study load cannot be attributed to the personal data, that requires the consent of the teacher to be processed. The study load is nothing more than publicly available information, arising from the principles of collegiality of educational process management, competitiveness of education, its openness and transparency, that are established in the legislation on education.

Conclusions. Extended interpretation of confidential personal data and inclusion of the teaching load to it is unacceptable. This contributes to conflicts of interest, corrupt factors and devaluation of higher education.

1. Противоречия в правовом регулировании оборота персональных данных и практике применения законодательства в данной сфере

Подобно тому, как в философии есть понятие парных категорий и выведен закон единства и борьбы противоположностей, так и в политико-правовой реальности есть свои парные категории и противоположные тенденции одного и того же политико-правового явления. Например, парные категории «содержание» и «форма» одновременно есть закон их единства и противоположности: вечное единство и противоречие между содержанием и формой права. Парными категориями и противоположными тенденциями являются демократия и авторитаризм, народо-властие и олигархат, равноправие и клановость, законность и целесообразность и т. д.

Глобальным противоречием является противоречие между динамикой общественных отношений, с одной стороны, и стабильностью права как формой их отражения – с другой. Указанное противоречие одновременно является и движущей силой развития права [1, с. 146–147], и причиной возникающих при его реализации конфликтных ситуаций.

Так, с точки зрения конституционных ценностей действуют принципы открытого общества, свободы информации, прозрачности и коллегиальности управления. В рамках этой демократической тенденции государство заботится о правовом просвещении и правовой информированности граждан. В рамках этой ценности-тенденции принимается, например, Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹. В рамках той же тенденции принят и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»², ст. 3 которого посвящена основным принципам государственной политики и правового регулирования в сфере образования, среди которых: информационная открытость и публичная отчетность образовательных организаций (п. 9); демократический характер управления образованием, обеспечение прав педагогических работников (п. 10); недопустимость ограничения или устранения конкуренции в сфере образования (п. 11).

¹ Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7. Ст. 776.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598.

Однако в реальности действуют и обратные тенденции, поскольку известно, что ничто так не раздражает бюрократический аппарат, как информированность граждан. Под видом обеспечения информационной безопасности, под предлогом защиты информации и, наконец, обеспечения конфиденциальности служебных сведений действует и процветает тенденция сокрытия информации, причем не только за рамками государственного или муниципального учреждения, но и внутри коллектива. Так, под предлогом недопустимости разглашения и защиты персональных данных на некоторых кафедрах в некоторых вузах скрывается информация о коллегах.

В советские времена можно было, зная лишь фамилию и имя человека, а еще лучше – также его отчество и год рождения, в любом адресном столе за пять копеек узнать и его адрес, и телефон.

В настоящее время на подобное обращение неизбежно последует отказ со ссылкой на Федеральный закон «О персональных данных»³. Так, автору настоящей статьи было отказано в предоставлении списка членов кафедры с их телефонами⁴, поскольку в соответствии с указанным законом фамилия, имя, отчество и телефон гражданина являются его персональными данными и могут быть предоставлены третьему лицу (в данном случае – коллеге по кафедре) только с согласия носителя этих персональных данных.

Притом в законе не сказано, устным или письменным должно быть согласие в данной ситуации. С точки зрения здравого смысла телефон сослуживца, коллеги необходим, как правило, в служебных целях (договориться о замене преподавателя в случае командировки, болезни и пр.), иногда в личных целях (поздравить с днем рождения, высказать соболезнования по случаю смерти близкого родственника), а потому согласие предполагается устным. Как в случае конфликтной ситуации должностное лицо, предоставившее третьему лицу персональные данные, докажет, что на то было согласие субъекта персональных данных? Всё будет зависеть от конкретной ситуации, и если начальство поставит целью не предоставлять те или иные персональные данные каким-либо сотрудникам, оно будет исходить из

³ Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 10). Ст. 3451.

⁴ Речь идет не о вузе, указанном в выходных данных статьи в аффилиации автора.

того, что согласие должно быть обязательно письменным, что очевидным образом абсурдно, поскольку в таком случае возникают вопросы о форме такого согласия, на чье имя оно должно предоставляться и какие реквизиты должно содержать. Подобные нормы о персональных данных и отнесении к третьим лицам сослуживцев, в том числе коллег по кафедре, способны вызвать к жизни целый ряд нелепых ситуаций под видом защиты персональных данных или служебной тайны.

Между тем, при приеме на работу в государственное учреждение, в том числе в вуз, каждый сотрудник дает согласие на обработку персональных данных. Так, типовая форма Согласия по обработке персональных данных работников Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (далее – Самарский университет) содержит 26 позиций персональных данных работника, на обработку которых тот дает согласие. Исходя из вышесказанного, представляется справедливым, что с момента приема на работу и подписания названного документа работник переводит свои персональные данные в служебные, и в рамках служебной необходимости эти данные уже не являются данными, подлежащими особой защите, т. е. конфиденциальными данными.

Будучи депутатом Самарской Губернской Думы, автор этих строк однажды запросила информацию о наличии диплома кандидата юридических наук у руководителя правового управления Думы, которому надбавка за ученую степень была начислена сразу после защиты, до утверждения в Высшей аттестационной комиссии, что, несомненно, было нарушением законодательства. В обозрении диплома (или предоставлении его копии) было отказано всё по той же причине принадлежности данной информации к персональным данным.

С той же проблемой пришлось столкнуться, когда сотрудница аппарата Уполномоченного по правам человека Самарской области, не будучи юристом, представлялась таковым, осуществляя, по сути, функции дознавателя в ситуации разбирательства обстоятельств кабальной аренды, заключенной между 82-летним инвалидом-рентополучателем (размер аренды был 500 руб. в месяц за двухкомнатную квартиру в центре Самары стоимостью 5 млн руб.) и недобросовестным рентоплательщиком.

Сотрудница вела дознание в интересах последнего, а на депутатский запрос о ее образовании был

получен ответ: «Запрошенная Вами информация об образовании сотрудника Л. относится к персональным данным и может быть предоставлена только по запросу суда. Но из уважения к Вам как известному и авторитетному депутату прилагаем копию диплома сотрудника Л.» Оказалось, сотрудник закончил филологический факультет СамГУ и вряд ли обладал правом работать на занимаемой должности.

Приходится констатировать, что практика толкования понятий «персональные данные», «конфиденциальные персональные данные», «служебная тайна», «общедоступные персональные данные» крайне противоречива. При этом вопросы применения норм законодательства о персональных данных в трудовых (служебных) отношениях вызывают живой интерес у представителей различных отраслей российской правовой науки [2–12].

2. Правовое регулирование служебной тайны

В настоящее время действует множество ведомственных нормативно-правовых актов, регулирующих различные аспекты защиты служебной тайны. Анализ этих актов показывает, что нормы, направленные на сохранение конфиденциальности служебной информации, регулируют следующие аспекты функционирования государственных и муниципальных органов, учреждений и организаций: 1) обеспечение доступа к служебной информации; 2) предоставление государственных и муниципальных услуг; 3) документооборот и ведение делопроизводства; 4) кадровое обеспечение; 5) борьба с коррупцией; 6) использование информационных систем; 7) взаимодействие со СМИ; 8) предотвращение конфликта интересов.

Согласно выводам А.А. Антопольского, нормы российского законодательства, регулирующего служебную тайну, не представляют собой единую систему, и таковые нормы, равно и упоминания о служебной тайне, обнаруживаются во множестве нормативных правовых актов, причем не законодательного, а ведомственного уровня [13, с. 25]. Более того, наблюдается тенденция к нарастанию их количества и объема, иными словами, всё более и более перевешивает тенденция сокрытия информации в противовес тому, что государство выставляет «на витрину» своей политико-правовой деятельности.

В соответствии с ч. 4 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о

защите информации»⁵ ограничение доступа к информации о деятельности государственных органов или органов местного самоуправления может быть **только** в режиме государственной или служебной тайны.

Впрочем, служебной тайны как юридического понятия не существует, несмотря на многочисленные попытки законодательно его зафиксировать. Использование данного термина в законодательстве дало основу для соответствующей доктрины и употребления данного термина в доктринальном смысле. Например, ст. 17 Федерального закона «О кредитных историях»⁶ запрещает должностным лицам Банка РФ подвергать огласке или распространению сведения о своих клиентах.

На практике возникла также проблема соотношения служебной тайны и сведений конфиденциального характера. Так, Президент РФ указами, а Правительство РФ постановлениями могут утверждать перечень сведений конфиденциального характера. При этом к конфиденциальной информации могут быть отнесены служебные сведения, доступ к которым ограничен, за исключением органов государственной власти в той степени, в какой федеральное законодательство провозглашает их деятельность открытой и гласной.

В известном смысле понятие конфиденциальной информации совпадает с понятием служебной тайны при условии, если понятие служебной тайны не трактуется расширительно. Однако в попытке расширить понятие служебной тайны по сравнению с государственной тайной как более узким понятием некоторые ученые и практики заходят слишком далеко, превращая в служебную тайну едва ли не всю сферу полномочий и делопроизводства должностных лиц в органах государственной власти и даже в иных государственных и муниципальных структурах (учреждениях, организациях), органами власти не являющихся.

В итоге любая хоть сколько-либо значимая информация не выдается даже сотрудникам указанных структур под предлогом служебной тайны, конфиден-

циальной информации или, наконец, информации ограниченного распространения. В законодательстве и научной доктрине доельцинского периода вообще не было такого понятия, как информация ограниченного распространения. Данное понятие введено Постановлением Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № 1233⁷, которое, по сути, нормативно подтвердило и закрепило различие между государственной тайной – с одной стороны, служебной тайной – с другой. Положение ввело перечень сведений, которые не могут содержать служебную тайну.

Вместе с тем данный документ вызывает множество вопросов как по форме, так и по содержанию. Эти вопросы не разрешены и в его новой редакции, в какой-то мере усложнившей разграничение понятий государственной, служебной и коммерческой тайны.

3. Ситуации, при которых допускалось искажение смысла законодательства о персональных данных при его применении

Персональные данные не относятся ни к государственной, ни к служебной тайне, если, конечно, речь не идет о лицах, замещающих государственные должности Российской Федерации (Президент РФ, премьер-министр и министры, депутаты Госдумы и члены Совета Федерации, судьи и прокуроры, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, члены Избирательной комиссии РФ), государственные должности субъектов Российской Федерации (губернатор и т. д.), а также высшие муниципальные должности.

Однако в реальности находятся люди, включая профессиональных юристов, которые, во-первых, относят персональные данные к служебной тайне, во-вторых, произвольно расширяют понятие конфиденциальных персональных данных, причисляя к ним буквально все персональные данные.

В ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции»⁸ дается понятие конфликта интересов как противоречия между публичным (государственным и общественным) и частным интересом (личным, узкогрупповым). В научной литературе от-

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 28 декабря 2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 3 (ч. 1). Ст. 3448.

⁶ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 44.

⁷ Постановление Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. № 1233 «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти» (в ред. от 20 июля 2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30. Ст. 3165.

⁸ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6228.

мечается, что «конфликт интересов имеет место в том случае, если указанное противоречие способно, пусть и гипотетически, **оказать влияние на решение, принимаемое лицом, наделенным в силу его должностных (служебных) обязанностей властными (административными) полномочиями**. Данный признак конфликта интересов называют личной заинтересованностью» [14, с. 282].

На кафедре государственного и административного права Самарского университета возникла конфликтная ситуация, связанная с оформлением на полставки профессора-совместителя иногороднего доктора юридических наук К. (из Москвы). На кафедре уже работало двое профессоров по той же специальности, причем рангом и заслугами даже выше. Иногородний профессор К., не имея ни одного часа аудиторной нагрузки и «дистанционно» (выражение заведующего кафедрой) руководя из Москвы учебной и производственной практикой студентов в Самаре в объеме трехсот часов и рецензируя работы, ни разу за два года не появился в самарском вузе. Такая же «льготная» картина складывалась и в отношении еще одного сотрудника С. – доцента-совместителя, на этот раз из Самары, с которым заведующий также заключил «дистанционный» договор. Между тем законодательством не предусмотрены «дистанционные» трудовые договоры с преподавателями, а в указанном вузе отсутствует дистанционная форма обучения.

Конфликтная ситуация была вызвана явным нарушением принципов равенства и справедливости распределения учебной нагрузки на указанной кафедре, руководство которой, на наш взгляд, исходило не из принципов, установленных в законодательстве об образовании, а из личных предпочтений, симпатий и антипатий, что само по себе граничит с коррупционными факторами.

Преподавателями кафедры была запрошена информация об учебной нагрузке сотрудников кафедры К. и С., однако ее руководство уклонилось от предоставления указанной информации, причем даже на письменный запрос последовала «фигура умолчания». Ситуация приобретала парадоксальную форму еще и потому, что совсем недавно, до введения электронной формы индивидуальных планов, они находились на кафедрах в свободном доступе. На первой странице индивидуального плана указано, что он принят на заседании кафедры (номер и дата протокола, как правило, в конце августа), а на последней странице – что отчет о выполнении индивидуального плана, равно как и замечания к

нему, принят на заседании кафедры (номер и дата протокола, как правило, в конце июня). Второй экземпляр индивидуального плана хранится в учебном отделе.

Таким образом, рассмотрение на заседании кафедры означает, что члены кафедры имеют право знать содержание и учебную нагрузку из индивидуальных планов коллег, иначе рассмотрение на кафедре не имеет никакого смысла, превращается в формальность и профанацию. Сама форма индивидуального плана свидетельствует о том, что содержащиеся в них персональные данные – это открытая информация.

В результате преподавателями был сделан официальный запрос на имя начальника управления обеспечения учебного процесса Самарского университета. Ответ гласил, что учебная нагрузка относится к персональным данным, а потому не может быть разглашена, т. е. предоставлена кому бы то ни было. Исходя из ответа, любые персональные данные, в том числе учебная нагрузка, могут быть предоставлены только с согласия носителя персональных данных («носитель», профессор К., со ссылкой на заведующего кафедрой, отказался дать «согласие»). Более того, ответ заканчивался напомним, что «работник может быть уволен по инициативе работодателя в случае разглашения охраняемой законом тайны, ставшей известной работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, в том числе разглашения персональных данных другого работника» (п. «в» ст. 81 ТК РФ).

Исходя из подобного толкования, учебная нагрузка преподавателей, которая все предыдущие годы находилась в свободном доступе членов кафедры, будучи неотъемлемой частью решений кафедры о планировании учебной нагрузки и об утверждении исполнения индивидуальных планов, стала относиться к охраняемой законом тайне.

Естественно, отсутствует федеральный закон, который бы относил учебную нагрузку к охраняемой законом тайне. Более того, в Федеральном законе «О персональных данных», как и в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», учебная нагрузка даже не отнесена к тем персональным данным, на обработку которых преподаватель должен давать согласие. Учебная нагрузка – это не что иное, как общедоступная информация, вытекающая из принципов коллегиальности управления образовательным процессом, конкурентности образования, его открытости и прозрачности, т. е. принципов, установленных в законодательстве об образо-

вании. В противном случае, невозможно было бы составить ни одного расписания студенческих занятий.

На отказ начальника управления обеспечения учебного процесса Самарского университета последовало новое обращение сотрудников кафедры, просивших ответить:

1) Не являются ли все виды расписаний учебных занятий, где указаны учебные часы (следовательно, учебная нагрузка) и фамилии преподавателей, «разглашением» их персональных данных, поскольку фамилия, имя и отчество согласно закону являются персональными данными?

2) Для чего учебная нагрузка преподавателей принимается решением кафедры, если это «персональные данные» и «служебная тайна»?

3) Являются ли члены кафедры «третьими лицами», участвуя в голосовании по принятию учебной нагрузки и ее исполнению? Что означает в этой связи подписание согласия на обработку персональных данных при приеме на работу?

4) Каким образом сотрудники кафедры могут рассматривать на заседании кафедры «вопросы планирования, организации выполнения, подведения итогов работы кафедры, а также кадровые вопросы и **результаты деятельности отдельных преподавателей**» (п. 1.11 Положения о кафедре государственного и административного права), если членам кафедры отказывают в предоставлении этой информации под предлогом служебной тайны?

Ответ начальника управления обеспечения учебного процесса Самарского университета был таковым:

«1. Расписание учебных занятий не является разглашением персональных данных.

2. На заседании кафедры принимается план работы кафедры с учетом общего числа учебных поручений, видов нагрузки преподавателей. Индивидуальный план преподавателя **утверждается заведующим кафедрой**.

3. Поясняем, что начальник отдела планирования и организации учебного процесса и начальник управления обеспечения учебного процесса не являются владельцами процесса хранения и учета индивидуальных планов преподавателей кафедры и не могут передать документацию кафедры третьим лицам. За индивидуальными планами преподавателей кафедры Вы должны обращаться к заведующему кафедрой.

4. На заседании кафедры сотрудники кафедры рассматривают вопросы планирования, организации, выполнения, подведения итогов работы кафедры, а не **структуру учебных поручений отдельных преподавателей**».

В результате подобного толкования законодательства круг «замыкается»: заведующий кафедрой никак не реагирует на письменные обращения с просьбой предоставить информацию об учебной нагрузке преподавателей, а структура, хранящая вторые экземпляры индивидуальных планов, отправляет к нему же, заведующему кафедрой.

Подобное толкование искажает смысл локальных нормативных актов учебного заведения. Так, пп. 1 п. 1.4 Положения об обработке персональных данных работников Самарского университета (принято Ученым советом вуза 30 июня 2017 г.) вслед за Федеральным законом «О персональных данных» гласит о том, что «**любая** информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)», есть персональные данные.

Но не любые персональные данные являются конфиденциальными и охраняемыми законом. В пп. 21 п. 1.4 названного Положения говорится: «...**общедоступные персональные данные** – персональные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен с согласия субъекта персональных данных или на которые в соответствии с федеральными законами не распространяется требование соблюдения конфиденциальности».

Иными словами, если ни в одном федеральном законе те или иные персональные данные не названы конфиденциальными, то они таковыми и не являются, а являются, напротив, общедоступными.

Следует согласиться с выводами экспертного заключения по обозначенной конфликтной ситуации, которое предоставил заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А.Н. Костюков:

«1. Если в Положении о кафедре сказано, что на заседании кафедры рассматриваются «вопросы планирования, организации выполнения, подведения итогов работы кафедры, а также кадровые вопросы и результаты деятельности отдельных преподавателей» (п. 1.11 Положения о кафедре государственного и административного права), то кафедра не может выполнять свою компетенцию в случае, если членам кафедры отказывают в предоставлении соответствующей информации. Аналогичные положения присутствуют в других вузах, и вряд ли были случаи, когда преподавателям кафедры отказывают в предоставлении этой рабочей информации.

2. Учебная нагрузка преподавателей кафедры не относится к охраняемой законом государственной или служебной тайне. Федерального закона, который бы относил учебную нагрузку преподавателей к какой-либо тайне, не существует.

3. Учебная нагрузка преподавателей кафедры не относится и не может относиться к персональным данным, ибо в перечень охраняемых законом персональных данных учебная нагрузка преподавателей не входит. Педагогическая нагрузка представляет собой не персональные, а служебные данные, точно так же, как служебные данные используются при составлении расписания занятий студентов и других открытых сведений.

4. Дополнительного согласия (санкции) заведующего кафедрой на предоставление учебной нагрузки членов кафедры не требуется, поскольку это входит в функциональные обязанности секретаря кафедры. До процесса компьютеризации, перевода в электронный вид индивидуальных планов преподавателей все индивидуальные планы находились на кафедре в свободном доступе, никакой тайны в них никогда не было. Поэтому отказ секретаря кафедры в предоставлении членам кафедры учебной нагрузки коллег по кафедре незаконен.

5. Отказ заведующего кафедрой в предоставлении учебной нагрузки каких-либо преподавателей кафедры ее членам под каким бы то ни было предлогом является незаконным.

6. Более того, за формирование нагрузки отвечает заведующий кафедрой, и он отвечает не только

перед руководством вуза, но и перед возглавляемой им кафедрой. Понимать формулу, согласно которой заведующий кафедрой ответственен за формирование учебной нагрузки на кафедре, таким образом, что это исключительно его прерогатива, в которую никто не вправе вмешиваться и никто не вправе контролировать, совершенно неправильно».

Данное заключение вселяет оптимизм, что подобные злоупотребления понятием «персональные данные» не получат массового распространения, поскольку расширительное толкование законодательства о персональных данных, особенно в сфере высшего образования, способствует процветанию коррупционных факторов в вузах.

Названная конфликтная ситуация получила освещение в прессе⁹, а отклики из других вузов на публикацию позволяют сделать вывод о **широком распространении освещенных проблем по всей России.**

5. Выводы

Необходимо указать всем российским вузам на недопустимость расширительного толкования персональных данных конфиденциального содержания, на недопустимость нарушения принципов справедливости и открытости при распределении нагрузки между членами кафедры, поскольку сокрытие данной информации от коллег порождает не только конфликт интересов, но и деморализует стимулы профессионального совершенствования и научного роста, девальвирует высшее образование в целом, его качество и престиж.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халфина Р.О. Право как средство социального управления / Р.О. Халфина. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
2. Герасимова Е.С. О соотношении норм о защите персональных данных работников и права профсоюзов на получение информации для осуществления контроля за соблюдением законодательства о труде / Е.С. Герасимова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2010. – № 2. – С. 8–12.
3. Анохин С.А. Административно-правовая защита персональных данных работника / С.А. Анохин, А.С. Игошкина // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 9. – С. 18–25.
4. Овсянникова Е. Насколько эффективна защита персональных данных работников? / Е. Овсянникова // Трудовое право. – 2013. – № 2. – С. 91–102.
5. Журавлев М.С. Персональные данные в трудовых отношениях: допустимые пределы вмешательства в частную жизнь работника / М.С. Журавлев // Информационное право. – 2013. – № 4. – С. 35–38.
6. Кротов А.В. Опыт обработки персональных данных в компании / А.В. Кротов // Информационное право. – 2007. – № 2. – С. 21–25.
7. Кротов А.В. Конституционное право граждан на информацию и свободу информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Кротов. – Казань, 2007. – 21 с.

⁹ Просто секрет // Самарское обозрение. 2017. 5 окт. С. 2–3.

8. Петров А.Я. О персональных данных работника: современное состояние правового регулирования / А.Я. Петров // Трудовое право. – 2008. – № 4. – С. 90–96.
9. Кулешов Г.Н. Персональные данные государственного гражданского служащего / Г.Н. Кулешов // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 7. – С. 40–43.
10. Кулешов Г.Н. Административно-правовое регулирование информационного обеспечения в системе государственной гражданской службы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Г.Н. Кулешов. – М., 2010. – 223 с.
11. Белгородцева Н.Г. Теоретико-правовые аспекты защиты персональных данных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Г. Белгородцева. – М., 2012. – 25 с.
12. Абаев Ф.А. Правовое регулирование отношений по защите персональных данных работника в трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф.А. Абаев. – М., 2014. – 26 с.
13. Антопольский А.А. Правовое регулирование ограничения доступа к информации в сфере государственного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Антопольский. – М., 2004. – 28 с.
14. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учеб.-метод. комплекс / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ. 2016. – 568 с.

REFERENCES

1. Khalfina R.O. *Law as a means of social control*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 256 p. (In Russ.).
2. Gerasimova E.S. On the ratio of norms on protection of personal data of workers and the right of trade unions to obtain information to monitor compliance with labor law. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor Law in Russia and Abroad*, 2010, no. 2, pp. 8–12. (In Russ.).
3. Anokhin S.A., Igoshkina A.S. Administrative Protection of Personal Employee Data. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, 2010, no. 9, pp. 18–25. (In Russ.).
4. Ovsyannikova E. How effective is the protection of personal data of employees? *Trudovoe pravo*, 2013, no. 2, pp. 91–102. (In Russ.).
5. Zhuravlyov M.S. Personal data in labor relations: possible limits of interference into private life of an employee. *Informatsionnoe pravo*, 2013, no. 4, pp. 35–38. (In Russ.).
6. Krotov A.V. The experience of the processing of personal data in the company. *Informatsionnoe pravo*, 2007, no. 2, pp. 21–25. (In Russ.).
7. Krotov A.V. *Constitutional right of citizens to information and freedom of information*, Cand. Diss. Thesis. Kazan, 2007. 21 p. (In Russ.).
8. Petrov A.Ya. On personal data of the employee: the current state of legal regulation. *Trudovoe pravo*, 2008, no. 4, pp. 90–96. (In Russ.).
9. Kuleshov G.N. Personal data of civil state servant. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, 2009, no. 7, pp. 40–43. (In Russ.).
10. Kuleshov G.N. *Administrative-legal regulation of information security in the system of public civil service of the Russian Federation*, Cand. Diss. Moscow, 2010. 223 p. (In Russ.).
11. Belgorodtseva N.G. *Theoretical and legal aspects of personal data protection*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2012. 25 p. (In Russ.).
12. Abaev F.A. *Legal regulation of relations on protection of personal data of the worker in labor law*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2014. 26 p. (In Russ.).
13. Antopol'skii A.A. *Legal regulation of restriction of access to information in the field of public administration*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2004. 28 p. (In Russ.).
14. Avak'yan S.A. (ed.). *Constitutional and legal bases of anti-corruption reforms in Russia and abroad*, educational-methodical complex. Moscow, Yustitsinform Publ., 2016. 568 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боброва Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права *Международный институт рынка* 443030, Россия, г. Самара, ул. Г.С. Аксакова, 21
e-mail: bobrovana@mail.ru
SPIN-код: 4558-9297; AuthorID: 249980

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia A. Bobrova – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law *International Market Institute* 21, G.S. Aksakova ul., Samara, 443030, Russia
e-mail: bobrovana@mail.ru
SPIN-code: 4558-9297; AuthorID: 249980

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Боброва Н.А. Парадоксы применения законодательства о персональных данных / Н.А. Боброва // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 54–62. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).54-62.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bobrova N.A. The paradoxes of application of the legislation on personal data. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 54–62. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).54-62. (In Russ.).